

Жизнь берет свое. Погребенные в безвестности прорастают по природному закону круговорота истины в природе. И вот уже, воздав должное художникам, замученным и заживо погребенным в сталинщину, наулыбавшись при вручении профкомовских букетов шестидесятникам, уцелевшим за бургом, куда удалось не только смотаться когда-то, но откуда нынче им удалось вернуться на побывку в отчие края, писчая общественность сподобилась наконец признавать мертвых, убитых (самоубийством в том числе) моих ровесников, моих соавторов по жизни, моих друзей по творческому поколению середины 70-х - начала 80-х годов. Очередь дошла. Нашенская, архитипичная - кто талантливый других, тот дальше всех от начала поминального списка. Вот и рок-барда Сашу Башлачева решено вернуть в жизнь, из которой он сам ушел в 1988 году.

Я написал вот это "сам ушел" - и отороп взял: чтобы поэт, воплощенное восхищение красотой жизни, красотой во всех ее ипостасях, сконцентрированных в поэтическом слове, олицетворенное жизнелюбие, без которого песня не родится у барда, - чтобы "сам ушел" из мира людей такой человек, надо очень ему "помочь", надо кому-то сильно постараться направить поэта на предел бытия. Такие нашлись. У нас таких всегда хватало. Кому еще не понятно из знающих историю, что Россия - спецстрана, месторождение больших художников, отдающихся на пытки и пагубу могущественным у нас мелким людшкам и всеильным здесь мелочам.

... Он появился у меня в коммуналке на Столешниковом за год с лишним до переломного, взрывного 1985-го. Позвонил Артем Троицкий, тогдашний главный акушер отечественного рока: "Хочу привезти к тебе феноменального парня, из Череповца, он знает твои песни, хочет показать свои". Услышав песни Башлачева, я понял, что нужно что-то делать. Обзвонил с Темой всех знакомых на радио и на "телеке", все квартирные тусовки - и с организацией домашних концертов долго не задержались. С масс-медиа все оказалось сложнее. Сегодня, читая мемуарные статьи мэтров, принимавших тогда Сашу в музредакциях и журналах, и удивляясь количеству превосходных степеней и величального пафоса в их оценках башлачевского творчества, я вспоминаю белое от гнева и душевной боли Сашино лицо и наивно округленные глаза подростка-перестарка с немым вопросом, на который я давал ответ банальный и бесполезный: "Саша, они тебя просто боятся, ведь если они позволят джинну Башлачеву вы-

рваться из бутылки, им самим придется собирать на пропитание бутылки по подъездам, поскольку ты тогда подынешь планку художественного качества на такую высоту, какую ни им самим, ни им подобным не взять". Саша хрипло похачывал - голос был перманентно сорван на бесчисленных, бесконечных выступлениях по столичным тусовкам.

Метафора с собиранием бутылки срабатывала лекарственно, так как мы с Сашей частенько именно этим популярным в нашем кругу видом трудовой деятельности снискивали

Неделя. - 1994. - сент. (№ 37). - с. 8.
А поверх алмазов-

хлеб насущный в его заезды ко мне с вокзала или с квартирных концертов.

Лишь потом я понял, что любое лекарство нужно менять со временем, ибо человек к нему привыкает и оно перестает лечить. Тем более такое слабое, как дружеское слово. Тем более при таких сильных болях, как душевные. И более всего - при попытках лечить словом мастеров оного...

Господи, он же сам делал со словом, что хотел!
*Корчились от боли без огня и хлеба.
 Вытоптали поле, засевая небо.
 Хоровод приказов. Петли на осинах.
 А поверх алмазов - зыбкая трясины.*

Четыре каскада рифмовых на четыре строки (иной кормушечный пиит и на стандартные два не тянет). Напряженная многострунная звукопись, о содержании обжигающем я уже не говорю - после концертов Саши люди ощущали себя опаленными духовной лавой его мира.

Но не хочу говорить о строчках Башлачева литературоведчески. Я люблю его Музу. Я люблю его поэзию,

ЗЫБКАЯ ТРЯСИНА

как любят женщину. Поэзия Башлачева любит меня тоже. Иначе почему меня окатывает сладкий озноб тоски и счастья вот от этой поэтической кардиограммы:

*Осень. Ягоды губ с ядом.
 Осень. Твой похотливый труп рядом.
 Все мои песни июля и августа осенью сожжены.
 Она так ревнива в роли моей жены.
 Высокий лирик, Башлачев авантюрно пилотирует Пегаса, наждачно приземляет крылатость, нагружает реалиями любой полет, не умея и не любя парить "порожняком" в высях над кронами осеннего (в душе) ландшафта:*

*И у нас превращается в квас пиво.
 Сонные дамы смотрят лениво щелками глаз.
 Им теперь незачем нравиться нам.
 И, прогулявшись, сам
 Я насчитал десять небритых дам.*

Вот за эту эквилибристичность, плейбойство, неприятие положенных и милых сердцу чиновника от искусства пафоса, эмоциональной нормативности и плакатности Сашу к аудитории тоже, как и за тематику, не пускали. Зная, что без простора для самоотдачи и самораздачи талант дряхлеет, крылья сковываются гипоплазией и отложениями. Так погибают царь неба, и царь леса, и царь степи в зоопарке - как царь природы в застенке, особенно если стены крепки, но прозрачны и неосязаемы. Так тонут в студне. В белоте. В дерьме. В концлагере на полигоны заключенных, над которыми звезды бессменны, как часовые и наблюдатели, а солнце кажется уже прошедшим прожектором. В таком лагере переезжать из города в город глупо, как переходить из барака в барак. Ведь одно и то же.

Он бежал из Череповца в Москву. Потом из Москвы в Питер. Потом из Питера в смерть.

Удивительно хорошо налажено у нас дело прописки в истории нашей культуры с заполнением графы "когда" одним из самых лакомых для русского артикуляционного аппарата словом "посмертно". Преступность, воспринимающаяся уже как исконная черта самоубийности.

Когда Саша был жив, я несколько раз пересказывал ему свой разговор с Окунджавой, в конце которого Булат Шалвович сказал: "Леша, у Вас будет опубликовано все, нужно только до этого постараться

дожить". Для того, чтобы было опубликовано, Саша однажды до глубокой ночи переписывал мне в тетрадку свои песни. Я обещал, что буду стараться, буду предлагать. Накануне вышла моя статья о рок-песне в самой читаемой и массовотиражной молодежной газете, где я сумел отстоять при сокращении строки о нем, хотя тамошние "знатоки" пожимали плечами и напирали на то, что Башлачева никто не знает, если уж не знают они. Это начало 1987 года. Жить Саше оставалось год без нескольких дней. Со дня его гибели прошло почти шесть лет. Раньше у нас советовали ждуть обещанного три года. Сегодня все цены выросли. Особенно на настоящее. Вот они передо мной - песни из давней тетрадки. Листы пожелтели. Строки читать все трудней - из-за рези в глазах.

Алексей ДИДУРОВ.
 Фото Анатолия АЗАНОВА.